

Глава первая

Звонил колокол. Назойливо, требовательно, раздражающе.

Звук разносился по тихим коридорам, бесстыдно разрушая утреннюю тишину. Сквозь распахнутые, словно зевающие рты окна, смотревшие внутрь небольшого четырехугольного двора, оглушительный трезвон выливался в безмолвие залитого солнцем сада, где трава была еще седой от росы.

Маленькая мисс Пим зашевелилась, еще в полусне приоткрыла один серый глаз и не глядя потянулась за часами. Часов не было. Она открыла второй глаз. Кажется, не было и ночного столика. Ну конечно, теперь она вспомнила. Вчера вечером она обнаружила, что никакого ночного столика нет. Ничего не поделаешь, часы пришлось положить под подушку. Она сунула туда руку и попыталась нащупать их. Силы небесные, ну и трезвон! Отвратительно. Часов под подушкой не было. Но они должны там быть! Мисс Пим подняла подушку и обнаружила под ней только батистовый платочек с веселым бело-голубым рисунком. Она положила подушку на место и, нагнувшись, заглянула в пространство между кроватью и стеной. Да, там лежало что-то, похожее на часы. Распластав-

шись на животе и опустив руку, мисс Пим с трудом дотянулась до них,хватила кончиками большого и указательного пальцев и осторожно подняла. Если она теперь их уронит, придется выбираться из постели и лезть под кровать. Со вздохом облегчения она перевернулась на спину, торжествуя держа часы перед собой.

На часах было половина шестого.

Половина шестого!

У Мисс Пим перехватило дыхание, и она в изумлении вытаращила глаза, не веря себе. Неужели и правда в каком-нибудь колледже — пусть даже физического воспитания — начинают день в полшестого! Конечно, в заведении, где не испытывают необходимости ни в ночных столиках, ни в настольных лампах, всего можно ожидать, — но в полшестого! Мисс Пим поднесла часы к своему маленькому розовому ушку. Они честно тикали. Она перевела глаза на видневшийся в окне за кроватью сад. Да, действительно, еще очень рано; весь мир выглядел так, как бывает только ранним утром, — неподвижно, призрачно. Ну-ну! Вчера вечером Генриетта, стоя в дверях комнаты мисс Пим и заполняя их своей крупной величественной фигурой, сказала: «Спокойной ночи. Студентки в восторге от твоей лекции, дорогая. Увидимся утром». Но предупредить о звонке в половине шестого ей не пришло в голову.

Ладно. Это ее не касается. Когда-то и она вставала по звонкам, но это было давно. Почти двадцать лет назад. Теперь в жизни мисс Пим звонок раздавался только тогда, когда она нажимала на

кнопку кончиком пальца. Когда трезвон перешел сначала в жалобное дребезжанье, а затем замер, мисс Пим повернулась к стене и с удовольствием зарылась лицом в подушку. Это ее не касается. Пусть роса на траве и все такое будут для юных, для великолепной сияющей юности. А у нее будет еще два часа сна.

Мисс Пим выглядела очень по-детски: круглое розовое личико, аккуратный носик-пуговка и каштановые волосы, уложенные по всей голове волнами, которые удерживались заколками-невидимками. Она очень устала: дорога в поезде, встреча с Генриеттой, лекция. Слабая сторона ее «я» подсказывала, что, по всей вероятности, она уедет сегодня же после ланча, а ее перманенту всего два месяца, и потому волосы на одну ночь можно было совершенно спокойно не закалывать зажимками. Однако отчасти назло слабой стороне своего «я», с которой она постоянно вела жестокую борьбу, отчасти желая оказать честь Генриетте, она вколола все четырнадцать зажимок и проследила за тем, чтобы они несли свою ночную службу. Вспоминая ум и энергию Генриетты (сегодня утром это помогало побороть всякие попытки потворствовать себе), мисс Пим изумлялась тому, как живо в ней желание быть достойной Генриетты. В школе она, маленький крольчонок-четвероклассница, до умопомрачения восхищалась шестиклассницей Генриеттой. Генриетта была прирожденной старостой. Ее талант заключался в исключительной способности следить за тем, чтобы другие проявляли свои таланты. Именно поэтому, хотя некогда Генриет-

та и оставила школу, предпочтя готовиться к работе секретарши, теперь она была директрисой колледжа физического воспитания — то, в чем она не смыслила абсолютно ничего. Она совершенно забыла о Люси Пим, как и Люси Пим забыла о ней, пока мисс Пим не написала Книгу.

Так, во всяком случае, сама Люси думала о своем труде. Книга с большой буквы.

Она сама все еще была несколько удивлена Книгой. Ее миссией было учить школьниц говорить по-французски. И она занималась этим четыре года, а когда умерли сначала отец, а потом мать, оставив ей двести пятьдесят фунтов в год, Люси одной рукой стерла слезы, а другой написала заявление об отставке. Директриса, с явной завистью и не проявив никакого сочувствия, не преминула заметить, что дивиденды с двухсот пятидесяти фунтов вряд ли могут обеспечить серьезный запас прочности для цивилизованного культурного существования, которого достойны такие люди, как Люси. Но Люси все же ушла и поселилась в цивилизованной культурной квартирке, расположенной достаточно далеко от Камден-Таун, чтобы считаться находящейся близко к Риджент-Парку*. Необходимый для существования запас прочности она добывала, давая время от времени уроки французского языка, когда надвигалась плата по счетам за газ, а свободное время проводила, читая книги по психологии.

Первую книгу по психологии Люси прочла из любопытства, ей подумалось, что это может быть

* Риджент-Парк — аристократический район Лондона. — *Здесь и далее примеч. пер.*

интересно. Остальные она прочла, чтобы посмотреть, все ли они такие же глупые. К тому времени как она прочла тридцать семь книг по психологии, у нее появились об этом предмете собственные мысли, отличающиеся, разумеется, от того, что было написано в тридцати семи прочитанных к этому моменту томах. Эти тридцать семь томов казались ей совершенной несуразицей и так раздражали ее, что она снова и снова садилась и исписывала целые стопки бумаги, опровергая изложенное в них. А так как в английском языке для большинства понятий, которыми оперирует психология, нет определений и изъясняться можно, только пользуясь специальным жаргоном, то все ее опровержения выглядели вполне научнообразно. Этим бы все и кончилось, если бы мисс Пим не воспользовалась оборотной стороной испорченного листка (она печатала на машинке не очень профессионально), чтобы написать следующее:

«Многоуважаемый мистер Сталлард!

Я была бы Вам *очень* признательна, если бы Вы не включали радио после одиннадцати вечера. Оно мне очень мешает.

Искренне Ваша

Люси Пим».

Мистер Сталлард, с которым она не была знакома (его имя значилось на дощечке на двери этажом ниже), явился лично в тот же вечер. В руке он держал ее письмо и показался Люси очень разгневанным, так что она несколько раз сглотнула, прежде

чем смогла произнести хоть какой-нибудь членораздельный звук. Но мистер Сталлард не сердился по поводу радио. Он работал в издательстве, и его обязанностью было читать присылаемые рукописи. Его заинтересовало то, что было напечатано на обороте письма Пим.

Нынче, когда бум прошел, издатель от одного предложения напечатать книгу по психологии упал бы в обморок или позвонил бы, чтобы принесли бренди. Но в прошлом году издательский мир испытал потрясение: британская публика, устав от романов, вдруг проявила интерес к сверхсложным вопросам, как, например, расстояние от Сириуса до Земли или скрытый смысл танцев аборигенов Бечуаналенда. Издатели лезли из кожи, стараясь удовлетворить эту невиданную жажду знаний, и мисс Пим приняли с распростертыми объятиями. Иначе говоря, старший компаньон издательства пригласил ее на ланч и предложил подписать договор. Это само по себе было удачей, но providение позаботилось не только о том, чтобы британская публика устала от романов, но чтобы еще интеллектуалы устали от Фрейда и К°. Они жаждали чего-то нового. И этим новым оказалась Люси. Таким образом, однажды утром она проснулась не только знаменитостью, но и автором бестселлера. Это ее так потрясло, что она вышла из дома, выпила в кафе три чашки черного кофе и всю оставшуюся часть утра просидела в парке, глядя прямо перед собой.

Ее книга оставалась бестселлером несколько месяцев, и для мисс Пим стало привычным читать

лекции по «своей» теме в научных обществах. Тут вдруг пришло письмо от Генриетты. Она напомнила Люси об их совместных школьных днях и звала погостить у нее в колледже, побеседовать со студентками. Люси успела немного устать от бесед, да и образ Генриетты с годами слегка потускнел. Она уже готова была ответить вежливым отказом, как вдруг вспомнила тот день, когда четвертый класс обнаружил, что ее, мисс Пим, полное имя — Летиция (этот позор Люси скрывала всю свою жизнь). Четвертый класс превзошел сам себя, и Люси уже раздумывала, очень ли будет переживать ее мать, если она, Люси, покончит с собой. Потом она решила, что, коли уж на то пошло, мать сама довела ее до этого, дав Люси такое претенциозное имя. Однако тут же на насмешниц набросилась Генриетта, набросилась буквально и метафорически. Ее гневные замечания немедленно повергли насмешниц. Имя «Летиция» уже никогда более не произносилось, а Люси, вместо того чтобы броситься в реку, отправилась домой, где ее ждал рулет с джемом.

Сидя в своей цивилизованной культурной гостинице, Люси вновь ощутила волны горячей благодарности, которые когда-то наполняли ее душу. Она ответила письмом, сообщая, что будет счастлива провести с Генриеттой вечер (врожденная предусмотрительность не была полностью стерта чувством благодарности) и с удовольствием поговорит о психологии со студентками.

Удовольствие она получила большое, подумала Люси, загоразживаясь простыней от яркого дневно-

го света. Пожалуй, самая милая аудитория из всех, что она видела. Ряды прелестных головок, превративших голый лекционный зал в нечто похожее на сад. И дружные сердечные аплодисменты. После вежливых хлопков, которыми ее одаривали последние несколько недель в научных обществах, приятно было слушать, как звонко ударяются друг о друга сложенные чашечкой ладони. И вопросы, которые ей задавали девушки, были весьма умными. Хотя психология значилась одним из предметов в расписании, висевшем в преподавательской, мисс Пим почему-то не ожидала, что ее так хорошо поймут студентки, у которых, по-видимому, целые дни работали только мускулы. Конечно, вопросы задавали лишь немногие, так что оставалась вероятность, что остальные были недалекими.

Ну ладно, сегодня ночью она уже будет лежать в своей удобной кровати, и все это будет казаться сном. Генриетта уговаривала ее остаться на несколько дней, и мисс Пим уже было поддалась на ее уговоры, но ужин ее сразил. Бобы и молочный пудинг показали ей не слишком вдохновляющей едой для летнего вечера. Очень укрепляюще, очень питательно и все такое, — она в этом не сомневалась. Но это меню вряд ли захочется повторить. Генриетта сказала, что преподаватели в колледже питаются так же, как студентки, и Люси надеялась, что сомнение, с которым она глядела на бобы, не было замечено. Люси старалась смотреть на них с веселым и довольным видом, но, может быть, ей это не удалось...

— Томми! Том-ми-и! О, Томми, дорогая, проснись! Я в отчаянии!

Сон мгновенно слетел с мисс Пим. Казалось, что отчаянные вопли раздаются у нее в комнате. Потом она сообразила, что второе окно выходит во двор, двор этот маленький, и разговор между обитательницами комнат через распахнутые настежь окна — естественный способ связи. Мисс Пим полежала, стараясь успокоить колотящееся сердце, глядя поверх складок простыни на то место, где за бугорком, скрывавшим большие пальцы ее ног, виднелся в ракурсе кусок дальней стены. Однако кровать стояла в углу комнаты, окно справа находилось за изголовьем, другое, слева, выходящее во двор, — в изножье, и со своей подушки мисс Пим могла видеть в тонкой вертикальной полоске света только половину открытого окна в стене по ту сторону двора.

— Томми! Том-ми-и!

Темноволосая голова появилась в окне, которое было видно мисс Пим.

— Послушайте, кто-нибудь, — произнесла голова, — бросьте чем-нибудь в Томас, и пусть Дэйкерс прекратит кричать.

— О, Грингэйдж*, душенька, ты просто чертовое животное! У меня лопнула подвязка, и я не знаю, что мне делать. А Томми вчера взяла мою *единственную* булавку, чтобы открывать моллюсков-береговичков на вечеринке «Два с половиной пенса». Она просто *обязана* отдать мне ее, прежде чем... Томми! Том-ми-и!

— Эй, заткнитесь-ка, — приглушенно произнес еще один голос, и наступила пауза. Пауза — почувствовала Люси, — заполненная языком жестов.

* Грингэйдж (англ. Greengage) — слива-ренклад.